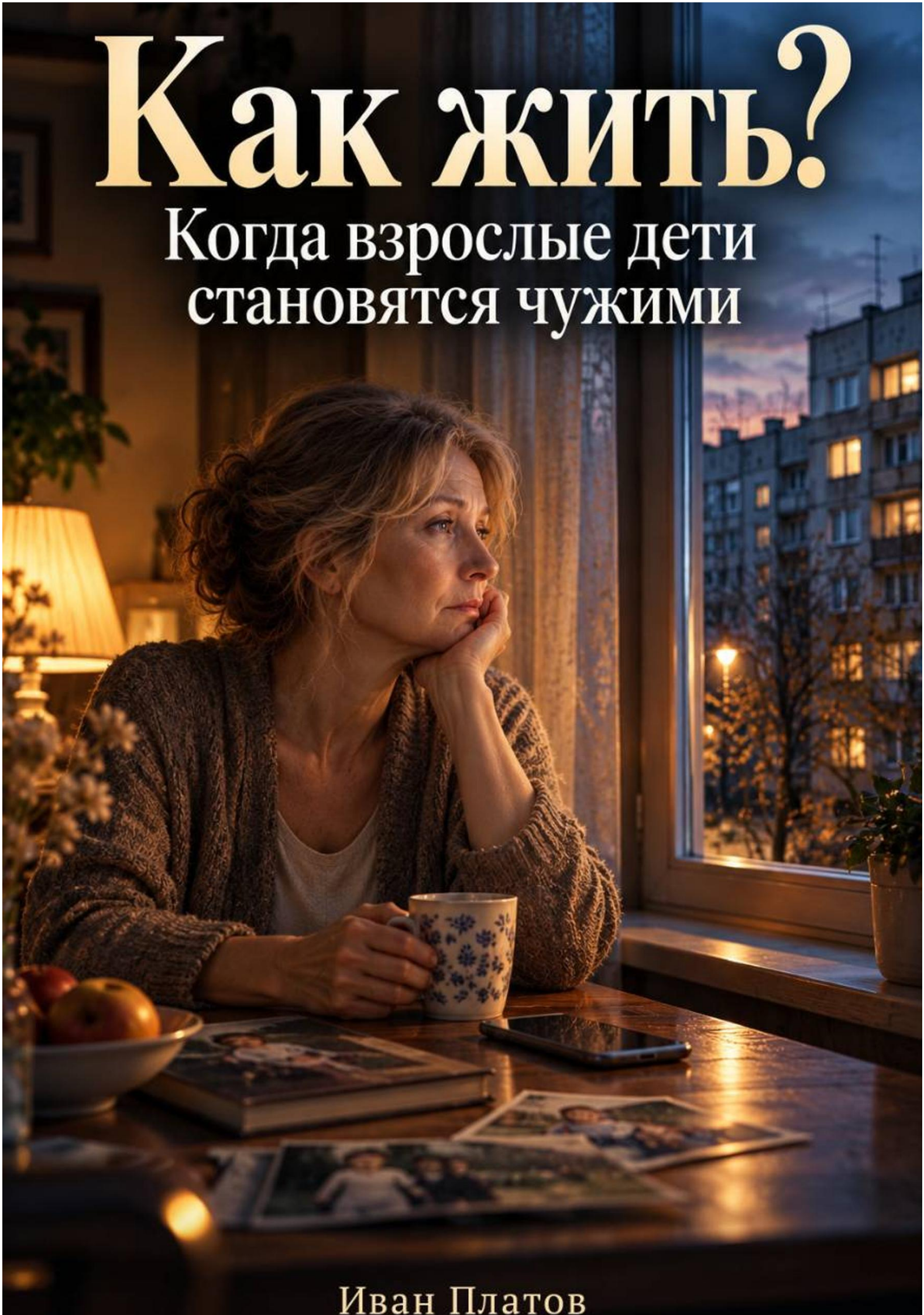
Как жить?

Когда взрослые дети становятся чужими

Иван Платов

Иван Платов

Как жить? Когда взрослые дети становятся чужими

«Автор»
2026

Платов И.

Как жить? Когда взрослые дети становятся чужими / И. Платов — «Автор», 2026

Почему дети, которые когда-то не представляли жизни без родителей, повзрослев, всё реже звонят, избегают встреч и постепенно становятся чужими?Когда-то в этой семье были счастливые праздники, музыка, совместные поездки и мечты о будущем. Но за тёплыми воспоминаниями остались обиды, невысказанные слова и моменты, которые родители давно забыли, а сын помнит до сих пор.Годы проходят. Дети взрослеют, родители стареют, но расстояние между ними порой становится только больше.Художественно-психологическая история одной семьи, рассказанная глазами взрослого сына. Это книга о родительской любви и её ошибках, о цене самостоятельности, одиночестве и попытках услышать друг друга.Можно ли вернуть близость, если доверие разрушалось годами? И как жить дальше, если примирение так и не произошло?Эта книга не даёт простых ответов. Она помогает взглянуть на знакомую боль с другой стороны.

© Платов И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 5
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Иван Платов
Как жить? Когда взрослые дети становятся чужими

Глава

Как жить?
Когда взрослые дети

становятся чужими
Художественно-психологическая книга
© Иван Платов, 2026
Электронное издание
Содержание
Глава 1. Когда мы стали чужими
Глава 2. Когда детство закончилось
Глава 3. Цена самостоятельности
Глава 4. Когда семья дала трещину
Глава 5. Чья это была жизнь?
Глава 6. Чужие среди своих
Глава 7. Дом, в котором меня ждали
Глава 8. Когда родители стареют
Глава 9. Можно ли всё исправить?
Глава 10. Как жить дальше?
Глава 1

Когда мы стали чужими

На старых видеокассетах мы всё время вместе. Семейные праздники, Новый год, гости, музыка. На одной плёнке сохранился даже наш домашний концерт. Иногда я пересматриваю эти записи и не могу сразу понять, что именно помню сам, а что уже столько раз видел на экране, что оно стало моим воспоминанием.

В те годы камеру доставали не каждый день. Снимали то, что хотелось оставить на память. Никто не записывал обычный вторник, не снимал, кто с кем поссорился утром и что потом происходило на кухне. Я говорю об этом не для того, чтобы обесценить наши праздники. Мне нравилось, когда мы собирались вместе. Просто теперь я понимаю, сколько семейной жизни осталось за кадром.

Мой отец был военным. Когда я был маленьким, мне казалось, что он знает и умеет абсолютно всё. Может что-нибудь починить, объяснить, разобраться с любой бедой. Самый сильный, самый умный. Если кто-то и был для меня суперменом, то он.

Отец играл со мной. Я помню это не только по кассетам. Помню его улыбку, гитару, баян. У нас даже получалось собираться в домашнюю музыкальную группу. Мы что-то играли, записали небольшой концерт. Было весело.

Никому тогда не приходило в голову, что такие вечера спустя много лет окажутся важнее многих подарков.

Ещё отец практически не пил. Я очень хорошо это запомнил и до сих пор считаю достойной чертой. Только если приходило много гостей, он мог позволить себе немного спиртного.

На застольях порой сам говорил, что не пьёт и хочет, чтобы мы с братом тоже не привыкали к выпивке и не злоупотребляли ею. Дословно не повторю, но смысл был именно такой. В детстве я особенно гордился, когда слышал это от него при других взрослых.

Мама занималась домом и нами. Учила меня читать, помогала со стихами, задавала логические задачки. Потом родился младший брат, и у неё прибавилось забот. Я помню много нежности с её стороны. В первую очередь именно так и помню: она рядом, объясняет, учит, ухаживает.

У неё была привычка записывать песни с радио. Новые хиты нужно было подкараулить, успеть нажать кнопку магнитофона, а потом можно было поставить эту кассету, когда приходили гости. Сегодня в этом трудно увидеть какое-то событие. А тогда свежая запись была поводом похвастаться. Мне приятно вспоминать маму за этим занятием. Это один из немногих её интересов, которые я могу уверенно назвать.

Остальное стёрлось или прошло мимо меня. Я не знаю, что родители любили делать сами для себя, о чём мечтали, чего хотели от жизни за пределами дома и нашей семьи. Наверное, в детстве редко задумываешься, что мать и отец тоже когда-то были молодыми людьми со своими желаниями. Для меня они были просто мамой и папой. И этого хватало.

Мы ездили на природу, разводили костёр на опушке. Иногда всей семьёй выбирались на рыбалку. Родители ловили карпов или карасей, а мы с братом бродили рядом с водоёмом и находили себе какие-нибудь занятия. Не могу вспомнить, чтобы в те минуты мне чего-то не хватало. Мы были вместе, и всё.

Если показать кому-то наши старые записи, он увидит обычную семью: двое детей, мать, отец, музыка, гости, поездки. Я тоже долго видел её именно такой. Другое начало проступать в памяти позже, когда я подрос.

Отец любил порядок. Он редко объяснял, почему его решение должно быть именно таким. Во всяком случае, ребёнком я этих объяснений не слышал. Мне, как старшему, поручали следить и за младшим. Например, посуда должна быть вымыта. Младший не хочет? Не договорились? Это уже мои трудности. Отцу нужен был результат.

Сейчас я вспоминаю это и вижу в таком подходе что-то армейское. Есть задача, и её обязаны выполнить. Я был старшим братом, но оставался ребёнком. Убедить другого ребёнка сделать то, чего тот делать не собирается, я не всегда мог. А отвечать приходилось мне.

Когда брат занялся спортом, в доме многое стало крутиться вокруг тренировок и соревнований. Мы ездили на них, обсуждали результаты, переживали. Спорт действительно собирал нас вместе. И всё же именно тогда у меня появилось чувство, что в семейных спорах слово младшего весит больше моего. Может быть, родители видели происходящее иначе. Мне же это запомнилось так.

Есть случай, с которого я особенно отчётливо помню это чувство.

Мы с братом лежали на диване. Был день, ничего необычного не происходило. Он начал задевать меня ногой. Я попросил перестать. Он продолжил. Попросил ещё раз, но без толку.

Отец предупредил, что отвечать будет тот, кто начнёт ссору. Значит, подумал я, всё просто: покажу, что делает брат, и отец разберётся.

Я обратился к нему и стал показывать, как брат меня толкает. Отец увидел и сказал младшему что-то вроде: «Ну так, конечно, не делается».

На этом всё закончилось.

Сегодня это звучит как обычная детская возня. Возможно, для отца она так и выглядела. Но мне тогда стало очень обидно. Я ведь не просил наказать брата. Я несколько раз пытался остановить его сам. Потом обратился к взрослому, который обещал разобраться. А получилось, будто мои слова ничего не значат.

Я не помню, что сказал после этого. Помню ощущение. Отец, которого я считал самым справедливым человеком на свете, видел всё своими глазами и всё равно не поступил так, как я ожидал. Это был не конец моего восхищения им, конечно. Скорее первая заметная трещина.

Но несправедливость была не самым тяжёлым в нашей семье.

Отец бил нас. Обоих, и меня, и младшего брата. Ремнём, дубцом, розгами. Иногда розги заранее клали в ванну замачиваться. Иногда ремень висел на шкафу, и одного взгляда на него хватало, чтобы понять, чем может закончиться плохое поведение. Я помню следы на ногах, кровоподтёки, гематомы. Мне казалось, он бил изо всей силы.

И он умел бить словами. «Мрази», «помойки», «суки», «долбаные». Такими словами он мог называть нас и во время наказания, и без него. Когда маленький, не рассуждаешь о том, допустимо ли взрослому так разговаривать. Просто слышишь это от собственного отца. И запоминаешь.

Я не хочу подбирать для этого более мягкое название. Нас били и унижали. Это было насилие. При этом человек, от которого я боялся получить удар, оставался тем же отцом, который играл на баяне, улыбался на семейных праздниках и учил нас не пить. Мне понадобилось много времени, чтобы перестать пытаться выбрать из этих двух образов какой-то один, «настоящий».

В связи с этим иногда приходит неприятная мысль. Бывает, думаешь: уж лучше бы отец иногда позволял себе выпить побольше, но отношения между нами сложились бы другими. Я понимаю, что сравнение странное. Алкоголь ничего бы не исправил, а мог сделать ещё хуже. Просто горько от того, что человек, которым я гордился за его трезвость и многие другие качества, не смог сохранить близость с собственными детьми. И гордость эта у меня никуда не исчезла.

О маме в минуты наказаний у меня почти нет воспоминаний. Я даже не знаю, плакала ли она. Не помню, пыталась ли остановить отца, что говорила, где стояла. Я ни разу не посмотрел на неё в такие моменты, во всяком случае, не сохранил этого в памяти. Поэтому не хочу дописывать за неё ни поступков, ни слов.

Мама давала нам много тепла. Но были и её сильные эмоциональные вспышки, после которых отец мог нас ударить. Я не знаю, что именно происходило с ней внутри. Иногда думаю о том, как её воспитывал мой дедушка, насколько сильно опекал. Возможно, что-то оттуда тянулось и в нашу семью. Но это только моё предположение. А бил нас отец. За его поступки нельзя отвечать вместо него.

Был ещё один случай. Мы всей семьёй и с друзьями поехали на лыжные горки. Я не выучил урок, и родители решили меня наказать. Все остальные катались на лыжах, поднимались на подъёмнике, спускались с горы. А я катался отдельно, на салазках, среди чужих людей и детей.

Самое необычное в этом воспоминании то, что мне было весело. Я катался и не сидел весь день в слезах. Но я видел, что моя семья проводит время вместе, а меня от неё отделили. За невыученный урок мне словно запретили участвовать в нашем общем отдыхе. Я тогда не сумел бы этого объяснить, но чувство было именно такое.

Интересно, что сегодня об этой поездке чаще вспоминают родители, а не я. Они жалеют о своём решении, признают, что поступили неправильно. И тут происходит вещь, которую я сам до конца не понимаю.

Мне становится неловко за них. Я начинаю говорить: «Да ничего страшного, было и было».

Хотя я помню, что было неприятно. И помню, каково это, когда тебя отделяют от остальных.

Почему мне хочется их успокоить? Не знаю. Может быть, потому, что тяжело видеть, как они сами себя за это корят. Может, потому, что я уже взрослый и мне кажется странным

обсуждать наказание из детства. Но выходит так, что даже сейчас, когда родители сами признают ошибку, я стараюсь сделать её поменьше.

Я не могу сказать, что детство было сплошным несчастьем. Это неправда. Были вечера с музыкой, поездки к воде, мамины кассеты, отцовская улыбка. Но я не могу и сделать вид, что ремень на шкафу, оскорбления и обиды ничего не значили. Всё это было в одном доме, с одними и теми же людьми.

Когда я был маленьким, мне казалось, что отец всегда знает, как правильно. Потом я начал замечать, что он может быть несправедливым. И что взрослый человек, даже очень умный и сильный, способен обидеть своего ребёнка так, что тот будет помнить это десятилетиями.

Тогда я ещё не думал о том, какими станут наши отношения, когда мы с братом вырастем. Мне хотелось обычных вещей: чтобы меня слышали, чтобы правила были одинаковыми для нас обоих, чтобы дома не приходилось бояться. Подростковый возраст был впереди. Вместе с ним начинались совсем другие споры.

После главы. Вопросы к себе

Родителям. Попробуйте вспомнить случай, который вам казался мелким, а ребёнок пережил тяжело. Не начинайте с объяснений, почему вы тогда поступили именно так. Сначала спросите, как он это запомнил. Если вы признаёте ошибку, не требуйте сразу услышать, что «ничего страшного не произошло». Ему может потребоваться время, чтобы сказать то, что он не мог сказать в детстве.

Взрослым детям. Если решите говорить с родителями о прошлом, попробуйте выбрать один конкретный эпизод вместо фразы «Вы всегда были несправедливы». Расскажите, что произошло и что вы тогда чувствовали. Вы не обязаны преуменьшать своё переживание, чтобы родителям стало легче. Но и делать вывод обо всей семейной жизни по одному случаю не обязательно.

Обеим сторонам. Не всё можно исправить разговором, особенно если в семье было насилие. Сначала нужно признать, что произошло, и уважать право человека на дистанцию. А там, где общение возможно и безопасно, попробуйте не спорить о том, у кого память правильнее. Спросите друг друга, какой след оставило событие и чего вам сейчас не хватает в отношениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.